

ТЕХНИКА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

В последние годы среди правоведов чрезвычайно популярной стала тема применения техники, технологий, особенно информационных технологий, в правовом регулировании общественных отношений. На основании тенденций последнего десятилетия, в частности развития системы электронных денег, роботизированных (беспилотных) транспортных средств, использования технологии нейронных сетей, включения все больших сегментов виртуальной реальности в сферу правовой охраны, многие с оптимизмом восприняли расширение объема присутствия технического элемента в праве. Техника стала ассоциироваться с прагматизмом, экономией, мобильностью, быстротой и другими характеристиками правового регулирования. Вместе с тем исследователи нередко не обращают внимания на те изменения, которые происходят с положением человека в праве в процессе технической экспансии. А изменения эти в основном связаны с глубоким влиянием на антропологическое содержание права, на то, что называется его человекомерностью: антропологическое заменяется техническим, хотя последнее, казалось бы, вводится именно как раз для улучшения положения человека как главного объекта, ценности и цели правового регулирования.

В традиционной общеправовой теории проблема соотношения человека и техники в правовом регулировании как таковая не исследовалась, поскольку обычно человек в правовой реальности рассматривался лишь как субъект права. Следовательно, в случае возникновения различного рода проблем и коллизий между техническим и антропологическим содержанием права они решались путем изменения правового статуса субъекта, дополнения его некоторыми нормативными опциями. В отраслевых же юридических исследованиях антропологический вопрос в связи с проблемой техники как таковой вообще не ставится: технические достижения, как правило, включаются в механизм отраслевого регулирования без всякого экспертного анализа и оценки.

На наш взгляд, развитие техники в сфере правового регулирования требует не инструментального, а концептуального ответа на вопросы о назначении технического опосредования в праве, пределах включения и способах существования техники в праве, а также о рисках, которые в связи с этим возникают. Вместе с тем концептуальный подход требует соответствующей юридической методологии, которая бы была чувствительна к техническому элементу в праве. Такой подход должен быть антропологически фундирован, т. е. так или иначе связан с антропологическими основаниями, поскольку очевидно – и это составляет сегодня ключевую проблему внедрения техники не только в право, но и вообще в любую сферу человеческой деятельности, – что развитие техники в ее современном и будущем состоянии связано с вытеснением антропологических содержаний права. Техника в праве бросает вызов человеку в праве, вызов в том смысле, что ключевые юридические регулятивные операции, например создание нормативного правового акта, принятие правоприменительного решения, квалификационная деятельность, определение наказания, в целом оценка правового поведения человека, всегда были в юриспруденции не техническими, а именно антропологическими действиями. Более того, в общеправовой теории традиционно существует собственная постановка вопроса о технике – это специально выделенный институт «юридической техники». Юридическая техника занимает в праве подчиненное положение и сводится в основном к языку права, не претендуя на трансформацию способов правового регулирования. Современная же тенденция технической экспансии связана не с развитием юридической техники, а с изменением ряда принципиальных подходов к правовому регулированию, когда трансформации подвергаются устоявшиеся правовые средства.

Почему корректный анализ технического опосредования права в рамках традиционных правовых концепций затруднителен? Потому что эти правовые концепции, равно как и отраслевые подходы, понимают право как нормативную реальность, в которой, как мы уже отметили, человек рассматривается лишь как комплекс норм, составляющих его субъектность. Ввиду этого включение тех или иных технических элементов в право, понимаемое только как нормативная реальность, воспринимается в качестве количественного усложнения нормативного массива и не более того, т. е. как совершенствование правовых норм и институтов, в том числе и самого субъекта права. Концептуальный же анализ требует использования человекомерных правовых подходов, одним из которых сегодня является антропология права. Поскольку антропология права основывается на принципе человекомерности права и все элементы права производит из этого принципа, техническое включение, превышающее традиционные юридико-технические границы, для нее не может остаться незамеченным.

Первый вывод, который можно сделать из антропологического анализа тенденции увеличивающегося включения техники в правовое регулирование, заключается в том, что речь идет не о совершенствовании каких-то периферийных для права инструментов и средств, а об изменении самого ядра права, которым выступает человек. Технические элементы включаются в правовое регулирование не просто как традиционные юридико-технические новации, а как новые фундаментальные основания правового регулирования, трансформирующие традиционные подходы к существованию человека в праве.

На это сегодня обращают внимание далеко не все исследователи. Большинство современных правоведов проявляют оптимизм относительно возможностей техники, особенно в сфере прикладных юридических наук, в которых собственно юридические методы все больше вытесняются техническими. Показательно, что сегодня использование технологий в отраслевых и прикладных юридических исследованиях рассматривается исключительно в русле подстраивания традиционных юридических средств под появившийся новый технический инструментарий. Так, например, высказываются предложения полностью заменить человеческое опосредование в правоприменительной деятельности на техническое, в том числе при вынесении процессуальных решений (создать «следователя/судью-машину»), создать идеальный способ познания профессиональной компетентности человека с описанием рисков противоправности и придать ему юридическое значение в частном

праве (полиграф), заменить юриста-консультанта роботом и т. д. Однако при формулировании такого рода практических предложений, как правило, отсутствует их концептуальный анализ. Например, не пересматриваются критерии функционирования отраслевых институтов и отрасли в целом, не анализируется трансформация целей и задач отрасли права. А ведь даже без детального исследования можно заметить, что включение техники в правовое регулирование существенно увеличивает технологическую составляющую в оценке эффективности отрасли права, которая практически всегда является количественно-инструментальной. Антропологическая же составляющая понижается. Так, при включении виртуальной реальности в поле правового регулирования путем конструирования уголовно-правовых и административно-правовых запретов недостаточно по аналогии с обычной наличной правовой реальностью и ее закономерностями юридизировать «поведение» в виртуальной реальности. Для этого по каждому случаю нужно соотносить свойства техники и их сопряжение с восприятием и поведением человека в виртуальной реальности. Создание широкого поля таких запретов в итоге может привести к нивелированию понятия осознания противоправности и общественной опасности/вреда деяния, в целом юридической конструкции вины, поскольку простая первичная техническая манипуляция производит множество последующих технических действий, являющихся, по сути, действиями техники, а не человека. Задача правовой охраны в таком случае усложняется. В правотворческой деятельности в таком случае необходимо анализировать и учитывать именно те свойства техники, которые создают подобные риски, т. е. переносят деликтологический акцент с человека на производные технические функции, за которые несет ответственность разработчик технического продукта.

Развитие техники проблематизирует также и традиционную юридическую конструкцию – презумпцию знания закона, которая обеспечивает возможность привлечения лица к ответственности. Увеличение деликтологических последствий техники, особенно в виртуальной реальности, по сути, для человека превращает презумпцию знания закона в презумпцию знания техники и ее свойств. А это, как показывает практика функционирования социальных сетей и в целом постепенная деликтолизация виртуальной реальности, составляет серьезную проблему. Увеличение технической составляющей в сфере права создает все больше обязанностей человека знать деликтологические последствия функционирования техники, которые с течением времени будут пропорционально увеличиваться.

Таким образом, решение вопроса увеличения технического элемента в правовом регулировании общественных отношений, возможно только с концептуальной позиции «человек – техника». Методологические основания для такого анализа имеются в антропологической концепции права.

УДК 340

А.Н. Поболь

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Смена ориентиров развития белорусского общества и государства, проводимые демократические преобразования, изменение приоритетов в правовой политике заставляют иначе взглянуть на проблему принципов организации механизма государства, в том числе на выработку новых подходов к определению их понятия, содержания и классификации.

Под принципами организации и функционирования механизма современного государства, по мнению А.В. Григорьева, следует понимать основополагающие относительно стабильные, доктринально разработанные начала, лежащие в основе формирования, организации и функционирования механизма современного государства и раскрывающие его сущность и социальное назначение, отдельные из которых имеют нормативное закрепление. К основным принципам организации и функционирования механизма государства, с его точки зрения, следует отнести принципы демократизма, верховенства права, приоритета прав, свобод и законных интересов граждан, законности, разделения властей, профессионализма государственных служащих.

Однако являются ли принципы организации и функционирования механизма государства законодательно закрепленными отправными началами, идеями, требованиями или их прямое законодательное закрепление и специальное определение как принципов не требуются?

Российский исследователь З.Н. Курдюкова определяет принципы как законодательно закрепленные отправные начала, идеи, требования, лежащие в основе формирования, организации и функционирования механизма государства. Иной точки зрения придерживается Г.А. Василевич, утверждая, что Конституция содержит не только правовые нормы, но и принципы (руководящие идеи, определяющие основные направления деятельности), и отмечая при этом, что «конституционные принципы формируют правовую парадигму... пронизывают весь текст Конституции... преамбула Конституции содержит основополагающие идеи, которые мы можем определить как конституционные принципы».

Вторая позиция представляется более обоснованной, поскольку далеко не все принципы механизма государства находят нормативное выражение. Так, отдельные из них могут закрепляться косвенным путем (принцип представительства граждан во всех звеньях государственного механизма), другие и вовсе не имеют нормативного закрепления (принцип научного подхода к управленческой деятельности). Думается, что формализация всех принципов организации и деятельности государственного механизма не является обязательным условием их реализации. Другими словами, для эффективного функционирования государственного механизма посредством реализации его принципов не требуется их исчерпывающего нормативно закрепленного перечня.

Принципы организации и функционирования механизма государства следует рассматривать как наиболее важные отправные начала, идеи и требования, лежащие в основе его построения и функционирования, раскрывающие его сущность, социальное содержание и назначение, основные цели и задачи. Можно сделать вывод, что принципы организации и функционирования